

Людмила Витковска

Варшава

К вопросу о лингвокультурологической информации в русских исторических юридических текстах¹

Ключевые слова: текст, лингвокультурологические исследования, герменевтика, информационная единица, правовая культура

В научных исследованиях корпуса русских исторических юридических текстов², принятого нами как источник информации в культурном контексте, обратимся к герменевтике³.

Герменевтические и лингвокультурологические исследования исторических текстов, связанных с правом, несут в себе необходимость совершенствования метаязыка современной лингвистики и улучшения особых исследовательских техник, гарантирующих высокую степень точности знания.

Задачей статьи является исследование выбранного корпуса русских исторических юридических текстов, далее называемых “информационными единицами”, с лингвокультуроправной точки зрения.

¹ Автор статьи является лауреатом Стипендии, финансируемой со средств Газпрома и EuRoPol Gaza для аспирантов Варшавского университета по реализации исследовательских проектов, посвящённых польско-российским связям.

² Под понятием исследуемого корпуса русских исторических юридических текстов подразумеваем: грамоты, указы.

³ Герменевтика (греч. ἐρμηνευτική ‘искусство толкования’, от ἐρμηνεύω ‘толкую’, этимология которого неясна. Искусство толкования, теория интерпретации и понимания текстов, в том числе, текстов классической древности [Frisk 1960]. Герменевтика (греч. ‘толкование’) направление в философии и гуманитарных науках... в понимании рассматривается как условие (осмысления социального бытия) [Грицанов 1996]. Герменевтика – теория интерпретации текста и наука о понимании смысла [Николюшкин 2001].

Допустим, что в процессе постижения смысла текста одно из главных мест занимают лингвокультурологические информационные уровни, на основе которых происходит интерпретация и объяснение роли каждой части в структуре целого текста. Интерпретация в совокупности с объяснением составляет очень своеобразный способ рассуждения, который помогает обнаружить специфику герменевтической логики.

В лингвокультурологическом понимании исследуемый корпус русских исторических юридических текстов представляет собой своеобразный источник знаний и культуры народа, иначе говоря, является материализацией формы мышления людей, позволяет выделить доминирующую семантическую константу определённого общества. Если предположить, что каждый текст характеризуется многоуровневостью [ср. Indegarden 1960, 52–57], то следует заметить, что исследуемый корпус текстов содержит не только первостепенную, но и второстепенную информацию, можно сказать, ненамеренную и с первого взгляда незаметную. Эта информация составляет производную структуры юридического текста и служит для его интерпретации путём исследования порядка предоставленной информации. Тема уровней текста может послужить орудием для интерпретации иерархии информации [ср. Grimes 1975, 18], где основная информация отличается от так называемого информационного фона.

Рассмотрим в качестве примера тексты *Грамот*⁴. Термин заимствован из Византии, где *Грамота* обозначала послание, распоряжение. В период XIV–XVII века вместе с развитием государственности России возникает ряд разного рода грамот, преобладающее количество которых составляли юридические акты. Статус грамот имели некоторые кодексы, например: *Новгородский*⁵ и юридический *Псковский*⁶. Разнообразие информации, содержащейся в текстах грамот, очень велико. Например, *Похвальные грамоты* от царя, несущие информацию

⁴ Грамоты (гр. grámmata) – информационные тексты, писались на деревянных и свинцовых табличках, коре берёзы, пергаменте на Руси, начиная с X века. Начиная с XIV, также составлялись на бумаге [online] <http://gramoty.ru>.

⁵ Датировка *Новгородского кодекса* (псалтыря) определяется в первую очередь тем, что он лежал в полуметре от края и на 30 см ниже сруба, получившего надёжную дендрохронологическую дату: 1036 год. Это верхняя граница вероятного времени попадания дощечек в землю. Нижней хронологической границей создания кодекса разумно считать крещение Руси в 988 году [Зализняк, Янин 2001, 3–25].

⁶ Псковская судная грамота 1397 года (ПСГ) – нормативно-правовой акт, регламентирующий, в большей степени, гражданско-правовые отношения. Памятник феодального права России XV века [Алексеев 1997, 3].

первого плана: похвалу за услуги или совершенные частными лицами дары в пользу государства. Однако можно выделить не только главную информацию, но и всякого рода информацию культурного характера второго плана, в виде хозяйственных распоряжений и политических донесений, судебных казусов и бытовых просьб, крестьянских жалоб и заказов для ремесленников, просьб к художнику об изготовлении икон, любовных записок и информации о смерти или продаже человека, ростовщические записи и списки недоимщиков, молитв и заговоров, этикет поведения и т.д.

Рис. 1. Грамота от Жизномира к Микуле

Ты купил рабыню во Пскове, и вот меня за это схватила (подразумевается: уличая в краже) княгиня. А потом за меня поручилась дружина. Так что пошли-ка к тому мужу грамоту, если рабыня у него. А я вот хочу, коней купив и посадив [на коня] княжеского мужа, [идти] на очные ставки. А ты, если [еще] не взял тех денег, не бери у него ничего⁷.

Постараемся разделить вышеприведенный текст на информационные уровни, другими словами, первого и второго плана. За информацию первого плана, с юридической точки зрения, возьмём информацию о работорговле на территории Пскова и Новгорода. За информацию

⁷ Грамота 109, Новгород, Условная дата: 1100–1120, стратиграфическая дата: кон. XI – сер. 10-х гг. XII в., вне стратиграфическая дата: первое 20-летие XII в.

второго плана мы можем определить информацию о юридическом понятии очных ставок и о поручительстве (человек писавший эту грамоту, состоял на службе у князя, так как дружина за него поручилась)⁸. Также информацией второго плана можно считать информацию о денежном обиходе и т.д.

Рассматривая и анализируя царские Указы⁹, такие как: *Указ Петра I выданный дня 09.12.1709 г.* [Указы Петра Великого 1709 г.]¹⁰, *Указ Петра I* [Указы Петра Великого 1714–1725 г.]¹¹, *Указа Петра I* [Указы Петра Великого 1714–1725 г.]¹², приходим к выводу, что исследуемые тексты являются информационными знаками своего времени, пространства и культуры. Анализируя информационные единицы в виде выше упомянутого корпуса текстов, можем сказать, что они созданы в разных временных интервалах и позволяют изучить семантические

⁸ Дружины на то время имели только князья Киевской Руси (примечание автора статьи).

⁹ Указ в царской России – Декрет царя, Эдикт, Приказ. Этимология слова от русского (*указать, показать*). Указ, Эдикт, Декрет, Вердикт, Рескрипт. Словарь иноязычных слов и иноязычных поворотов/Указ. Здесь следует заметить, что некоторые тексты Указов были записаны в народном шутливом стиле.

¹⁰ *Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лхой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство.*

¹¹ *Боярам в Думе говорить не по написанному, дабы дурь каждого видна была.*

¹² *Указ о достоинстве гостевом, на ассамблеях быть имеющем.* “Пред появлением перед многонародом гостю надлежит бытии мыту старательно без пропускания оных мест, бриту тщательно, дабы нежностям дамским щетиною мерзкой урону не нанести, голодну наполовину и пьяну самую малость. В гости придя, с расположением дома ознакомься заранее на легку голову, особливо отметив расположение клезетов. А сведения в ту часть разума отложи, коя винищу менее остальных подвластна. Яства потребляй умеренно, дабы брюхом отяжелевшим препятствий танцам не принять. Зелье же пить вволю, понеже ноги держат, буде откажут – пить сидя. Лежащему не подносить, дабы не захлебнулся, хотя бы и просил. Захлебнувшемуся же слава, ибо сия смерть на Руси издревле почетна. Ежели меры не знаешь на супругу положишь, оный страж поболее государевых бдение имеет. Упитых складывать бережно, дабы не повредить и не мешали бы танцам. Складывать отдельно, пол соблюдая, иначе при пробуждении конфуза не оберешься. Беду почуяв не паникуй, но скорым шагом следуй в место упомянутое, по дороге не мешкая и все силы употребя на содержание в крепости злодейски предавшего тебя брюха. Будучи без жены, а то и не дай Бог холостым, на прелести женские взирай не с открытой жадностью, но исподтишка оные и это примечают не сомневайся. Таким манером и их уважишь, и нахалом не прослывешь. Руками же действуй, сильно остерегаясь и только явный знак получив, что оно дозволяется, иначе конфуз свой на лице долго носить будешь. Без песни нет веселья на Руси, но оно начинают по знаку хозяйскому. В раж не входи, соседа слушай, ревя в одиночку, ослице Валаамовой уподобляешься, музыкальностью и сладкоголосьем же, напротив, снискаешь многие похвалы гостей. Помни, сердце дамское на музыку податливо”.

доминанты определённой эпохи, и что самое главное, её язык и культуру. По словам Люкшина:

Культура как целое может быть истолкована, как многоуровневый семиотичный код, исполняющий по отношению к натуральному языку параллельный язык [Люкшин 2009, 11],

а представленные в текстах люди, их поведение и предметы, которые их окружали, составляют также некоего рода концепты, между которыми существует ряд отношений. Обычно все элементы текстовой структуры подчиняются правам пространственно-временной линейности, в пределе структуры исторического юридического текста, который является своего рода информационной единицей. Конструкцию информационной единицы изобразим условно в виде семантической линии, представляющей пространственно-временной порядок происходящего. Произвольную секвенцию человеческого поведения расширим на остальные элементы мира, представленного в определённой единице текста, и трансформируем в “семантическую сеть”. Затем, наложение на себя “семантических сетей” текстов произведенных в определённой эпохе и в определённом культурном пространстве ведёт к выделению информационной “системы”, другими словами, энциклопедического словаря законов данного общества, составляющих концептуальную “эссенцию” данной эпохи, семантический сбор.

В связи с вышеизложенным можно предположить, что на исследуемый корпус исторических юридических текстов огромное влияние оказывает не только языковая картина мира определённой эпохи, но и культурноправные отношения имевшие место в обществе.

По словам Урбанек [Urbanek 2000, 349], понимание *языковой картины мира* в этом месте надо уточнить понятием *правовой языковой картины мира*, его можно поместить между описанием, переработкой и созданием действительности. Языковая интерпретация картины мира зависит от фрагмента интерпретированной действительности, от характера так называемого культурного наследия, частью которого является право. Человек во время своего цивилизованного развития старается дифференцировать действительность. Правовая культура представляет форму поведения человека в обществе, в некоей степени даже можно допустить изоморфизм культуры права и языка. Человек, будучи пользователем многочисленных информационных единиц, связанных с правом данной культуры, и определённо генератором собственных текстов является участником и культурноправового дискурса. Поэтому семантический “сбор” информационных единиц, воз-

никших в пространственно-временной действительности, можно определить наименованием лингвокультуроправного “сбора”, понимаемого как многоизмерительный комплекс языковых параметров, “засеянных” на грунт культуроправного дискурса. Лингвокультуроправный “сбор” содержит собранные юридические и языковые факторы, которые сигнализируют о характере, а также о способах поведения человека в обществе. Собрание культурем права, в которые входят своеобразные для определённого языка способы видения отдельных компонентов мира, господствующей в нём иерархии и признаваемые языковым обществом ценности, находят отражение практически в каждой информационной единице, связанной с правом.

Допустим, что правовую языковую картину мира можно преобразовать в идиографическое деление лексики языка права, а языковой портрет человека в соответствующую определённую характеристику. В этом случае то лингвокультуроправный “сбор” становится распознаваемым и соответственно является культурным диагнозом отдельных представителей определённой среды и эпохи. Если описание культурем права составляет образ определённого типа культуры, то предположим, что сопоставление двух или нескольких “культуроправных сетей” позволит нам выделение межкультурных и юридических сходств и различий.

Выделяя критическую массу информационной единицы, представим её в виде тезауруса, исполняющего функцию макрознака, показывающего некий фрагмент действительности. Ряд функций, рассматриваемых сквозь призму тезауруса [Lukszyn, Zmarzer 2006, 157; Lukszyn 2008, 8], можно представить при помощи трёхфункциональной схемы: функция знания, семантическая функция и информационная функция.

Рис. 2. Схема функций тезауруса разработана автором статьи

Функция “знания” тезауруса представлена при помощи некоего энциклопедического словаря терминов права определённой эпохи.

“Семантическая сеть” тезауруса приобретает вид сети семантических констант тезауруса.

Корпус текстов – это “корпус исторических юридических текстов”, составляющих концептуальное представление определённого корпуса информационных единиц (текстов).

Подводя итоги, мы можем сказать что информационная единица – это сплочённое целое, которое можно прочесть на фоне определённого гипертекста (тезауруса). Яркость информационных единиц, другими словами, исторических юридических текстов права, заключается в процессе постижения смысла текста, некоего рода герменевтической логики, наряду с учетом явно осознаваемых логических принципов, неявно присутствующих в мысленном содержании знаково-символических систем, в виде которых является исследователю предмет гуманитарного рассуждения. В нашем случае в логические рассуждения “внедряются” моменты языка и культуры, коммуникации и информации. Эти структуры наполняются многими содержательными представлениями, которые специфицируют процессы герменевтических рассуждений.

В историческом лингвокультурном направлении информационные единицы, другими словами, исследованный корпус исторических юридических текстов, материализованный в виде договоров, грамот, указов, и т.д., составляет своеобразный экспонент знаний, связанных не только с областью права, но главным образом с языком и культурой народа, частью, которой является право.

Информационные единицы, другими словами, исторические тексты, связанные с правом, возникли вследствие развития человеческого общества, как ответ на опыт жизни многих поколений, они оказались в каком-то смысле проекцией человеческих судеб. Допускаем, что исторические тексты права можно воспринимать, как сокращённую повесть о форме человеческой жизни в обществе, что составляет извечный предмет научных интересов, и неисчерпаемый источник закрепляемых и обогащаемых ценностей, вытекающих из достижений прошлых поколений.

Обобщая вышесказанное, исходя из вариантности и мультикодowości, информационные единицы, а другими словами, исторические юридические тексты, могут являться предметом лингвокультурных исследований.

В дальнейшем отдельные герменевтические и лингвокультурологические исследования позволили бы составить перечень различий

и сходств в сфере культуры и языка права, между разными информационными единицами, составленными в различных культурах и странах, в разное время, тем самым расширяя знания человека, являющимся критерием понимания, к которому издавна относилась герменевтика.

Литература

- Алексеев Ю. Г., 1997, *Псковская судная грамота. Текст, комментарий, исследование*, Псков, с. 3–18.
- Грицанов А. А., 1996, *Новейший философский словарь*.
- Зализняк А. А., Янин В. Л., 2001, *Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси*, “Вопросы языкознания”, № 5, Москва, с. 3–25.
- Николюшкин А. Н., 2001, *Энциклопедия литературных терминов и понятий*.
- Пётр I, *Указы напечатаны по указу Императрицы Анны Иоанновны 1890., Указы Петра Великого 1714–1725 г.*, Санктпетербург.
- Frisk H., 1960, *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg.
- Grimes J., 1975, *The Thread of Diskourse, The Hague: Mouton*, s. 18.
- Ingarden R., 1960, *O dziele literackim*, Warszawa: PWN, s. 52–57.
- Lukszyn J., Zmarzer W., 2006, *Teoretyczne podstawy terminologii*, Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych UW, s. 157–159.
- Lukszyn J., Zmarzer W., 2009, *Dydaktyczny Słownik Terminologii Lingwistycznej*, Warszawa, Katedra Języków specjalistycznych UW, s. 34.
- Lukszyn J., 2008, *Struktura kognitywna leksanu specjalistycznego*, [w:] *Podstawy techno lingwistyki II*, J. Lukszyn (red.), Warszawa, Wydawnictwo Euro-Edukacja, s. 8.
- Lukszyn J., 2009, *W kwestii definicji pojęcia „Tekst specjalistyczny”*, [w:] *Komunikacja specjalistyczna*, tom I, Warszawa, Katedra Języków specjalistycznych, s. 9–11.
- Urbanek D., 2000, *Polskie i rosyjskie słowniki kultury – przegląd stanowisk, nowe możliwości*, „Studia Rossica XI”. Część II. *Leksyka i Leksykografia. Paremiologia i paremiografia*, Warszawa, Instytut Ruscystyki Uniwersytetu Warszawskiego, s. 349–356.

ON THE QUESTION OF TEXTSLINGUISTIC-CULTURAL INFORMATION
IN THE RUSSIAN HISTORICAL LEGAL TEXTS

S U M M A R Y

Investigated core of historic legal texts represents a kind of source of knowledge and culture of a nation in other words it is a materialization of peoples thoughts and allows to separate dominating semantic constant of a specific society. Informative unit, in other words a legal text resulted from human society evolution as an answer to experience of a numerous generations and appeared to be to some extend a projection of a man fate. It is considered that legal texts can be perceived as a summary of a story about form of human life in society which represents ever lasting subject of research targets and inexhaustible source reinforcing and enriching values resulting from achievements of the past generations.

Ludmiła Witkowska e-mail: Atlantida@poczta.fm